

Н. М.
Карамзин

История
государства Российского
Том 8

*Великий князь и царь
Иоанн IV Васильевич*

Николай Михайлович Карамзин
История государства
Российского. Том 8.
Великий князь и царь
Иоанн IV Васильевич
Серия «История государства
Российского», книга 8

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172002
История государства Российского. Том 8: Мир книги; 2003
ISBN 5-8405-0418-1, 5-8405-0426-2*

Аннотация

Двенадцатитомная «История государства Российского», написанию которой Карамзин посвятил последние 22 года своей жизни, охватывает период с древнейших времен до начала XVII века и является не только значительным историческим трудом, но и прекрасным литературным произведением.

Карамзин внес много нового в понимание общего хода русской истории и в оценки отдельных исторических событий, раскрыл при помощи психологического анализа идейные и моральные мотивы действий исторических личностей.

Полагая, что история человечества есть история всемирного прогресса, основу которого составляет борьба разума с заблуждением, просвещения – с невежеством. Карамзин видел задачу историка в том, чтобы наставлять людей в их общественной деятельности.

Восьмой том посвящен царствованию Великого князя Иоанна IV Васильевича. Описание охватывает исторический период с 1533 по 1560 год.

Содержание

Глава I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	34

**Николай Михайлович
Карамзин
История государства
Российского. Том 8.
Великий князь и царь
Иоанн IV Васильевич**

Глава I

**Великий князь и царь Иоанн
IV Васильевич II. г. 1533-1538**

Беспокойство Россиян о малолетстве Иоанна. Состав Государственной Думы. Главные Вельможы, Глинский и Теплепнев. Присяга Иоанну. Заключение Князя Юрия Иоанновича. Общий страх. Измена Кн. Симеона Бельского и Лятыцкого. Заключение и смерть Михаила Глинского. Смерть Князя Юрия. Бегство, умысел и заключение Кн. Андрея Иоанновича. Дела внешние. Перемирие с Швецию и с Ливониею. Молдавия. Посланник Турецкий. Астрахань. Дела Ногайские. По-

сольство к Карлу V. Присяга Казанцев. Гордый ответ Сигизмундов. Нападение Крымцев. Война с Литвою. Ислам господствует в Тавриде. Строение крепостей в Литве. Набег Крымцев. Литовцы берут Гомель и Стародуб. Мятеж Казани. Шиг-Алей в милости. Война с Казанью. Победа над Литвою. Крепости на Литовской границе. Перемирие с Литвою. Дела Крымские. Смерть Ислама. Угрозы Саип-Гирея. Строение Китая-города и новых крепостей. Перемена в цене монеты. Общая нелюбовь к Елене. Кончина Правительницы.

(1533 г.) Не только искренняя любовь к Василию производила общее сетование о безвременной кончине его; но и страх, что будет с Государством? волновал души. Никогда Россия не имела столь малолетнего Властителя; никогда – если исключим древнюю, почти баснословную Ольгу – не видала своего кормила государственного в руках юной жены и чужеземки, Литовского ненавистного рода. На троне не бывает предателей: опасались Елениной неопытности, естественных слабостей, пристрастия к Глинским, коих имя напоминало измену. Хотя лесть придворная славила добродетели Великой Княгини, ее боголюбие, милость, справедливость, мужество сердца, проницание ума и явное сходство с бессмертною супругою Игоря, но благоразумные уже и тогда умели отличать язык Двора и лести от языка истины: знали, что добродетель Царская, трудная и для мужа с крепкими мышцами, еще гораздо труднее для юной, нежной, чувствительной жены, более подверженной действию слепых,

пылких страстей. Елена опиралась на Думу Боярскую: там заседали опытные советники трона; но Совет без Государя есть как тело без главы: кому управлять его движением, сравнивать и решить мнения, обуздывать самолюбие лиц пользою общею? Братья Государевы и двадцать Бояр знаменитых составляли сию Верховную Думу: Князя Бельские, Шуйские, Оболенские, Одоевские, Горбатый, Пеньков, Кубенский, Барбашин, Микулинский, Ростовский, Бутурлин, Воронцов, Захарьин, Морозовы; но некоторые из них, будучи областными Наместниками, жили в других городах и не присутствовали в оной. Два человека казались важнее всех иных по их особенному влиянию на ум правительницы: старец Михаил Глинский, ее дядя, честолюбивый, смелый, самим Василием назначенный быть ей главным советником, и Конюший Боярин, Князь Иван Федорович Овчина-Телепнев-Оболенский, юный летами и подозреваемый в сердечной связи с Еленою. Полагали, что сии два Вельможи, в согласии между собою, будут законодателями Думы, которая решила дела внешние именем Иоанна, а дела внутренние именем Великого Князя и его матери.

Первым действием нового правления было торжественное собрание Духовенства, Вельмож и народа в храме Успенском, где Митрополит благословил державного младенца властвовать над Россиею и давать отчет единому Богу. Вельможи поднесли Иоанну дары, послали чиновников во все пределы Государства известить граждан о кончине Василия

и клятвенным обетом утвердить их в верности к Иоанну.

Едва минула неделя в страхе и надежде, вселяемых в умы государственными переменами, когда столица была поражена несчастною судьбою Князя Юрия Иоанновича Дмитровского, старшего дяди Государева, или оклеветанного, или действительно уличенного в тайных видах незаконного властолюбия: ибо сказания Летописцев несогласны. Пишут, что Князь Андрей Шуйский, сидев прежде в темнице за побег от Государя в Дмитров, был милостиво освобожден вдовствующею Великою Княгинею, но вздумал изменить ей, возвести Юрия на престол и в сем намерении открылся Князю Борису Горбатову, усердному Вельможе, который с гневом изобразил ему всю гнусность такой измены. Шуйский увидел свою неосторожность и, боясь доноса, решился прибегнуть к бесстыдной лжи: объявил Елене, что Юрий тайно подговаривает к себе знатных чиновников, его самого и Князя Бориса, готового немедленно уехать в Дмитров. Князь Борис доказал клевету и замысл Шуйского возмутить спокойствие Государства: первому изъявили благодарность, а второго посадили в башню. Но Бояре, излишне осторожные, представили Великой Княгине, что если она хочет мирно царствовать с сыном, то должна заключить и Юрия, властолюбивого, приветливого, любимого многими людьми и весьма опасного для Государя-младенца. Елена, непрестанно оплакивая супруга, сказала им: «Вы видите мою горесть: делайте, что надобно для пользы Государства». Между тем некоторые из верных слуг

Юриевых, сведав о намерении Бояр Московских; убеждали Князя своего, совершенно невинного и спокойного, удалиться в Дмитров. «Там, – говорили они, – никто не посмеет косо взглянуть на тебя; а здесь не минуешь беды». Юрий с твердостью отвечивал: «Я приехал в Москву закрыть глаза Государю брату и клялся в верности к моему племяннику; не преступлю целования крестного и готов умереть в своей правде».

Но другое предание обвиняет Юрия, оправдывая Боярскую Думу. Уверяют, что он действительно чрез Дьяка своего, Тишкова, подговаривал Князя Андрея Шуйского вступить к нему в службу. «Где же совесть? – сказал Шуйский: – вчера Князь ваш целовал крест Государю, Иоанну, а ныне манит к себе его слуг». Дьяк изъяснял, что сия клятва была невольная и незаконная; что Бояре, взяв ее с Юрия, сами не дали ему никакой, вопреки уставу о присягах взаимных. Шуйский известил о том Князя Бориса Горбатого, Князь Борис Думу, а Дума Елену, которая велела Боярам действовать согласно с их обязанностью.

Заметим, что *первое* сказание вероятнее: ибо Князь Андрей Шуйский во все правление Елены сидел в темнице. Как бы то ни было, 11 декабря взяли Юрия, вместе со всеми его Боярами, под стражу и заключили в той самой палате, где кончил жизнь юный великий Князь Димитрий. Предзнаменование бедственное! ему надлежало исполниться.

(1534—1538 гг.) Такое начало правления свидетельство-

вало грозную его решительность. Жалели о несчастном Юрии; боялись тиранства: а как Иоанн был единственно именем Государь и самая правительница действовала по внушениям Совета, то Россия видела себя под жезлом возникающей олигархии, которой мучительство есть самое опасное и самое несносное. Легче укрыться от одного, нежели от двадцати гонителей. Самодержец гневный уподобляется раздраженному Божеству, пред коим надобно только смиряться; но многочисленные тираны не имеют сей выгоды в глазах народа: он видит в них людей ему подобных и тем более ненавидит злоупотребление власти. Говорили, что Бояре хотели погубить Юрия, в надежде своевольствовать, ко вреду отечества; что другие родственники Государевы должны ожидать такой же участи – и сии мысли, естественным образом представляясь уму, сильно действовали не только на Юриева меньшого брата Андрея, но и на их племянников, Князей Бельских, столь ласково порученных Василием Боярам в последние минуты его жизни. Князь Симеон Феодорович Бельский и знатный Окольничий Иван Лятцкий, родом из Пруссии, муж опытный в делах воинских, готовили полки в Серпухове на случай войны с Литвою: недовольные Правительством, они сказали себе, что Россия не есть их отечество, тайно снеслися с Королем Сигизмундом и бежали в Литву. Сия неожиданная измена удивила Двор, и новые жестокости были ее следствием. Князь Иван Бельский, главный из Воевод и член Верховного Совета, находился тогда в Ко-

ломне, учреждая стан для войска: его и Князя Воротынско-го с юными сыновьями взяли, оковали цепями, заточили как единомышленников Симеоновых и Лятцкого, без улики, по крайней мере без суда торжественного; но старшего из Бельских, Князя Димитрия, также Думного Боярина, оставили в покое как невинного. – Дотоле считали Михаила Глинского душою и вождем Совета: с изумлением узнали, что он не мог ни губить других, ни спасти самого себя. Сей человек имел великодушие и бедственным концом своим оправдал доверенность к нему Василиеву. С прискорбием видя нескромную слабость Елены к Князю Ивану Телепневу-Оболенскому, который, владея сердцем ее, хотел управлять и Думою и Государством, Михаил, как пишут, смело и твердо говорил племяннице о стыде разврата, всегда гнусного, еще гнуснейшего на троне, где народ ищет добродетели, оправдывающей власть Самодержавную. Его не слушали, возненавидели и погубили. Телепнев предложил: Елена согласилась, и Глинский, обвиняемый в мнимом, нелепом замысле овладеть Государством, вместе с ближним Боярином и другом Василиевым, Михаилом Семеновичем Воронцовым, без сомнения также добродетельным, был лишен вольности, а скоро и жизни в той самой темнице, где он сидел прежде: муж, знаменитый в Европе умом и пылкими страстями, счастливым и бедствием, Вельможа и предатель двух Государств, помилованный Василием для Елены и замученный Еленою, достойный гибели изменника, достойный и славы великодуш-

ного страдальца в одной и той же темнице! Глинского схоронили без всякой чести в церкви Св. Никиты за Неглинною; но одумались, вынули из земли и отвезли в монастырь Троицкий, изготовив там пристойнейшую могилу для Государева деда; но Воронцов, только удаленный от двора, пережил своих гонителей, Елену и Князя Ивана Телепьева: быв Наместником Новгородским, он умер уже в 1539 году с достоинством Думного Боярина.

Еще младший дядя Государев, Князь Андрей Иоаннович, будучи слабого характера и не имея никаких свойств блестящих, пользовался наружными знаками уважения при Дворе и в совете Бояр, которые в сношениях с иными Державами давали ему имя первого попечителя государственного; но в самом деле он нимало не участвовал в правлении; оплакивал судьбу брата, трепетал за себя и колебался в нерешимости: то хотел милостей от двора, то являл себя нескромным его хулителем, следуя внушениям своих любимцев. Через шесть недель по кончине Великого Князя, находясь еще в Москве, он смиренно бил челом Елене о прибавлении новых областей к его Уделу: ему отказали, но, согласно с древним обычаем, дали, в память усопшего, множество драгоценных сосудов, шуб, коней с богатыми седлами. Андрей уехал в Старицу, жалуясь на Правительницу. Вестовщики и наушники не дремали: одни сказывали сему Князю, что для него уже готовят темницу; другие доносили Елене, что Андрей злословит ее. Были разные объяснения, для коих Боярин, Князь Иван

Шуйский, ездил в Старицу и сам Андрей в Москву: уверяли друг друга в любви и с обеих сторон не верили словам, хотя Митрополит ручался за истину оных. Елена желала знать, кто ссорит ее с деверем? Он не именовал никого, ответствуя: «Мне самому так казалось!» Расстались ласково, но без искреннего примирения.

В сие время – 26 Августа 1536 года – Князь Юрий Иоаннович умер в темнице *от голода*, как пишут. Андрей был в ужасе. Правительница звала его в Москву на совет о делах внешней политики: он сказался больным и требовал врача. Известный лекарь Феофил не нашел в нем никакой важной болезни. Елену тайно известили, что Андрей не смеет ехать в столицу и думает бежать. Между тем сей несчастный писал к ней: «В болезни и тоске *я отбыл ума и мысли*. Согрей во мне сердце милостию. Неужели велит Государь влачить меня отсюда на носилках?» Елена послала Крутицкого Владыку Досифея вывести его из неосновательного страха или, в случае злого намерения, объявить ему клятву церковную. Тогда же Боярин Андреев, отправленный им в Москву, был задержан на пути, и Князья Оболенские, Никита Хромый с конюшим Телепневым, предводительствуя многочисленною дружиною, вступили в Волок, чтобы гнаться за беглецом, если Досифеевы увещания останутся бесполезными. Андрею сказали, что Оболенские идут схватить его; он немедленно выехал из Старицы с женою и с юным сыном; остановился в шестидесяти верстах, думал и решился – быть преступни-

ком: собрать войско, овладеть Новымгородом и всюю Россию, буде возможно; послал грамоты к областным Детям Боярским и писал к ним: «Великий Князь младенец; вы служите только Боярам. Идите ко мне: я готов вас жаловать». Многие из них действительно явились к нему с усердием, другие представили мятежные грамоты в Государственную Думу. Надлежало взять сильные меры: Князь Никита Оболенский спешил защитить Новгород, а Князь Иван Телепнев шел с дружиною вслед за Андреем, который, оставив большую дорогу, поворотил влево к Старой Русе. Князь Иван настиг его в Тюхоли; устроил воинов, распустил знамя и хотел начать битву. Андрей также вывел свою дружину, обнажив меч; но колебался и вступил в переговоры, требуя клятвы от Телепнева, что Государь и Елена не будут ему мстить. Телепнев дал сию клятву и вместе с ним приехал в Москву, где Великая Княгиня, по словам Летописца, изъявила гнев своему любимцу, который будто бы сам собою, без ведома Государева, уверил мятежника в безопасности, и велела Андрея оковать, заключить в тесной палате; к Княгине его и сыну приставили стражу; Бояр его, советников, верных слуг пытали, несмотря на их знатный Княжеский сан: некоторые умерли в муках, иные в темницах; а Детей Боярских, взявших сторону Андрееву, числом тридцать, повесили как изменников на дороге Новгородской, в большом расстоянии один от другого. – Андрей имел участь брата: умер насильственную смертью чрез шесть месяцев и, подобно ему, был с

честию погребен в церкви Архангела Михаила. Он, конечно, заслуживал наказание, ибо действительно замышлял бунт; но казни *тайные* всегда доказывают малодушную злобу, всегда незаконны, и притворный гнев Елены на Князя Телепнева не мог оправдать вероломства.

Таким образом в четыре года Еленина правления именем юного Великого Князя умертвили двух единоутробных братьев его отца и дядю матери, брата внучатного ввергнули в темницу, обесчестили множество знатных родов торговой казнию Андреевых Бояр, между коими находились Князья Оболенские, Пронский, Хованский, Палецкий. Опасаясь гибельных действий слабости в малолетство Государя самодержавного, Елена считала жестокость твердостью но сколь последняя, основанная на чистом усердии к добру, необходима для государственного блага, столь первая вредна оному, возбуждая ненависть; а нет Правительства, которое для своих успехов не имело бы нужды в любви народной. – Елена предавалась в одно время и нежностям незаконной любви и свирепству кровожадной злобы!

В делах внешней политики Правительница и Дума не уклонялись от системы Василиевой: любили мир и не страшились войны.

Известив соседственные Державы о восшествии Иоанновом на престол, Елена и Бояре утвердили дружественные связи с Швециею, Ливониею, Молдавиєю, с Князьями Ногайскими и с Царем Астраханским. В 1535 и 1537 году по-

слы Густава Вазы были в Москве с приветствием, отправились в Новгород и заключили там шестидесятилетнее перемирие. Густав обязался не помогать Литве, ни Ливонскому Ордену в случае их войны с нами. Условились: 1) выслать послов на Оксу-реку для восстановления древних границ, бывших между Швециею и Россиею при Короле Магнусе; 2) Россиянам в Швеции, Шведам в России торговать свободно, под охранением законов; 3) возвратить беглецов с обеих сторон. Поверенными Густава были Кнут Андерсон и Биорн Классон, а Российскими Князь Борис Горбатый и Михайло Семенович Воронцов, Думные Бояре, Наместники Новгородские, которые в 1535 году утвердили мир и с Ливониею на семнадцать лет. Уже старец Плеттенберг, знаменитейший из всех Магистров Ордена, скончался: преемник его, Герман фон Брюггеней, и Рижский Архиепископ от имени всех *Златоносцев* или Рыцарей, *Немецких Бояр* и *Ратманов* Ливонии убедительно молили Великого Князя о дружбе и покровительстве. Уставили, чтобы река Нарова, как и всегда, служила границею между Ливониею и Россиею; чтобы не препятствовать взаимной торговле никакими действиями насилия и даже в случае самой войны не трогать купцев, ни их достояния; чтобы не казнить Россиян в Ливонии, ни Ливонцев в России без ведома их правительств; чтобы Немцы *берегли* церкви и жилища Русские в своих городах, и проч. В окончании договора сказано: «А кто преступит клятву, на того Бог и клятва, мор, глад, огонь и меч».

Воевода Молдавский, Петр Стефанович, также ревностно искал нашего покровительства; хотя уже и платил легкую дань Султану, но еще именовался Господарем вольным: имел свою особенную политическую систему, воевал и мирился с кем хотел и правил землею как Самодержец. Россия единоверная могла вступаться за него в Константинополе, в Тавриде и вместе с ним обуздывать Литву. Именитый Боярин Молдавский, Сунжар, в 1535 году был в Москве, а наш Посол Заболоцкий ездил к Петру с уверением, что Великий Князь не оставит его ни в каком случае. Россия действительно имела в нем весьма усердного союзника против Сигизмунда, коему он не давал покоя, готовый всегда разорять Польские земли; но не могла быть ему щитом от грозного Солимана, который (в 1537 году) огнем и мечем опустошил всю Молдавию, *требуя урочной*, знатной дани и совершенного подданства от жителей. Они не смели противиться, однако ж вымолили у Султана право избирать собственных Владетелей и еще около ста лет пользовались оным. Турки взяли казну Господарскую, множество золота, несколько диадем, богатых икон и крестов Стефана Великого. В Москве жалели о бедствии сей единоверной Державы, не думая о способах облегчить ее судьбу. Правительница и Бояре не рассудили за благо возобновить сношения с Константинополем, и Солиман (в 1538 году), прислав в Москву Грека Андреяна для разных покупок, в ласковом письме к юному Иоанну жаловался на сию холодность, хваляся своею друж-

бою с его родителем.

К Царю Астраханскому, Абдыл-Рахману, посылали Боярского сына с предложением союза: опасаясь и Хана Крымского и Ногаев, Царь с благодарностию принял оное, но чрез несколько месяцев лишился трона: Ногаи взяли Астрахань, изгнали Абдыл-Рахмана и на его место объявили Царем какого-то Дервешелея. Имея с Россиею выгодный торг, Князья сих многолюдных степных Орд, Шийдяк, Мамай, Кошум и другие, хотели быть в мире с нею, но жаловались, что наши Козаки Мещерские не дают им покоя, тысячами отгоняют лошадей и берут людей в плен; требовали удовлетворения, даров (собольих шуб, сукон, доспехов), уважения и чести: например, чтобы Великий Князь называл их в письмах *братьями* и *Государями*, как Ханов, не уступающих в достоинстве Крымскому, и посылал к ним не малочиновных людей, а Бояр для переговоров; грозили в случае отказа местию, напоминая, что отцы их видали Москву, а дети также могут заглянуть в ее стены; хвалились, что у них 300 тысяч воинов и летают как птицы. Бояре обещали им управу и договаривались с ними о свободной торговле, которая обогащала Россию лошадьми и скотом: например, с Ногайскими Послами в 1534 году было 5000 купцов и 50000 лошадей, кроме другого скота. Сверх того сии Князья обязывались извещать Государя о движениях Крымской Орды и не впускать ее разбойников в наши пределы. Шийдяк считал себя главою всех ногаев и писал к Иоанну, чтобы он давал ему, как Хану, *урочные*

поминки. Бояре ответствовали: «Государь *жалует* и Ханов и Князей, смотря по их *услугам*, а не дает никому *урока*». Мамай, именуясь Калгою Шийдяковым, отличался в грамотах своих красноречием и какою-то философией. Изъявляя Великому Князю сожаление о кончине его родителя, он говорил: «Любезный брат! Не ты и не я произвели смерть, но Адам и Ева. Отцы умирают, дети наследуют их достояние. Плачу с тобою; но покоримся необходимости!» Сии Ногайские грамоты, писанные высокопарным слогом Восточным, показывают некоторое образование ума, замечательное в народе кочующем.

Правительница и Бояре хотели возобновить дружественную связь и с Императором: в 1538 году Послы наши, Юрий Скобельцын и Дмитрий Васильев, ездили к Карлу V и к его брату Фердинанду, Королю Венгерскому и Богемскому. Мы не имеем их наказа и донесений. Но главным предметом нашей политики были Таврида, Литва и Казань. Юный Иоанн предлагал союз Хану Саип-Гирею, мир Сигизмунду и покровительство Еналею. Царь и народ Казанский новыми клятвенными грамотами обязались совершенно зависеть от России. Король Сигизмунд отвечал гордо: «Могу согласиться на мир, если юный Великий Князь уважит мою старость и пришлет своих Послов ко мне или на границу». Надеясь воспользоваться малолетством Иоанновым, Король требовал всех городов, отнятых у него Василием: предвидя отказ, вооружался и склонил Хана к союзу с Литвою против

России. Еще гонец наш не возвратился от Саип-Гирея, когда узнали в Москве о впадении Татар Азовских и Крымских в Рязанские области, где, на берега Прони, Воеводы Князя Пунков и Гатев побили их наголову. За сей первый воинский успех Иоаннова государствования Воеводам торжественно изъявили благоволение Великого Князя.

Хотя, уверенные в неминуемой войне с Королем, Правительница и Бояре спешили изготавиться к ней, но Сигизмунд предупредил их. С особенною милостию приняв наших изменников, Князя Симеона Бельского и Лятцкого, дав им богатые поместья и слушая их рассказы о слабостях Елены, о тиранстве Вельмож, о неудовольствии народа, Король замыслил вдруг отнять у нас все Иоанновы и Василиевы приобретения в Литве. Киевский Воевода, Андрей Немиров, со многочисленною ратию вступив в пределы Северские, осадил Стародуб и выжег его предместье; но смелая вылазка Россиян под начальством храброго мужа Андрея Левина так испугала Литовцев, что они ушли в беспорядке, а Наместник Стародубский, Князь Александр Кашин, прислал в Москву 40 неприятельских пушкарей со всем их снарядом и с знатным чиновником Суходольским, взятым в плен. Чтобы загладить первую неудачу, Литовцы сожгли худо укрепленный Радогощ (где сгорел и мужественный Воевода Московский, Матвей Лыков), пленили многих жителей, обступили Чернигов и несколько часов стреляли в город из больших пушек. Там был Воеводою Князь Феодор Мезецкий, умный и бод-

рый. Он не дал неприятелю приблизиться к стенам, искусно действуя снарядом огнестрельным; и когда пальба ночью затихла, выслал Черниговцев ударить на стан Литовский, где сие неожиданное нападение произвело страшную тревогу: томные, сонные Литовцы едва могли обороняться; во тьме убивали друг друга; бежали во все стороны; оставили нам в добычу обоз и пушки. На рассвете уже не было ни одного неприятеля под городом: Сигизмундов Воевода с отчаянием и стыдом ушел в Киев. Так Король обманулся в своей надежде завоевать Украину, беззащитную, как ему говорили наши изменники, Бельский и Лятцкий, В то же время другой Воевода его, Князь Александр Вишневецкий, явился под стенами Смоленска: тамошний Наместник, Князь Никита Оболенский, не дал ему сжечь посада, отразил и гнал его несколько верст.

Узнав о сих неприятельских действиях, наша Боярская Дума, в присутствии юного Великого Князя и Елены, требовала благословения от Митрополита на войну с Литвою; а Митрополит, обратясь к державному младенцу, сказал: «Государь! защити себя и нас. Действуй: мы будем молиться. Гибель зачинающему, а в правде Бог помощник!» Полки в глубокую осень выступили из Москвы с двумя Главными Воеводами, Князьями Михайлом Горбатым и Никитою Оболенским; любимец Елены, Телепнев, желая славы мужества, вел передовой полк. От границ Смоленска запылали села и предместия городов Литовских: Дубровны, Орши, Друцка,

Борисова. Не встречая неприятеля в поле и не занимаясь осадой крепостей, Воеводы Московские с огнем и мечем дошли до Молодечны, где присоединился к ним, с Новогородцами и Псковитянами, Наместник Князь Борис Горбатый, опустошив все места вокруг Полоцка, Витебска, Брянска. Несмотря на глубокие снега и жестокие морозы, они пошли к Вильне: там находился сам Король, встревоженный близостью врагов; заботился, приказывал и не мог ничего сделать Россиянам, коих было около 150000. Легкие отряды их жгли и грабили в пятнадцати верстах от Вильны. Но Воеводы наши, довольные его ужасом и разорением Литвы – истребив в ней жилища и жителей, скот и хлеб, до пределов Ливонии, – не потеряв ни одного человека в битве, с пленниками и добычею возвратились в Россию, чрез область Псковскую, в начале Марта. – Другие Воеводы, Князь Федор Теплов и тростенские, ходили из Стародуба к Мозырю, Турову, Могилеву, и с таким же успехом: везде жгли, убивали, пленяли и нигде не сражались. Не личная слабость престарелого Сигизмунда, но государственная слабость Литвы объясняет для нас возможность таких истребительных *воинских прогулок*. Не было устроенного, всегдашнего войска; надлежало собирать его долго, и Правительство Литовское не имело способов нашего – то есть сильного, твердого Самодержавия; а Польша, с своими Вельможными Панами составляя еще особенное Королевство, неохотно вооружалась для защиты Литвы. К чести Россиян Летописец сказывает, что они

в грабежах своих не касались церковей Православных и многих единоверцев великодушно отпускали из плена.

(1535 г.) Следствием Литовского союза с Ханом было то, что Царевич Ислам восстал на Саип-Гирея за Россию, как пишут, вспомнив старую с нами дружбу; преклонил к себе Вельмож, свергнул Хана и начал господствовать под именем Царя; а Саип засел в Киркоре, объявив Ислама мятежником, и надеялся смирить его с помощью Султана. Сия перемена казалась для нас счастливою: Ислам, боясь Турков, предложил тесный союз Великому Князю и писал, что 20000 Крымцев уже воюют Литву. Бояре Московские, нетерпеливо желая воспользоваться таким добрым расположением нового Хана, велели ехать Князю Александру Стригину Послом в Тавриду: сей чиновник своевольно остался в Новгороде и написал к Великому Князю, что Ислам обманывает нас: будучи единственно Калгою, именуется Царем и недавно, в присутствии Литовского Посла Горностаевича, дал Сигизмунду клятву быть врагом России, исполняя волю Саип-Гирееву. Сие известие было несправедливо: Стригину объявили гнев Государев и вместо его отправили Князя Мезецкого к Исламу, чтобы как можно скорее утвердить с ним важный для нас союз. Хан не замедлил прислать в Москву и договорную, *шертную* грамоту; но Бояре, увидев в ней слова: «кто недруг Великому Князю, а мне друг, тот и ему друг», не хотели взять ее. Наконец Ислам согласился исключить сие оскорбительное для нас условие, клялся в любви к младше-

му своему брату Иоанну и хвалился великодушным бескорыстием, уверяя, что он презрел богатые дары Сигизмундовы, 10000 золотых и 200 поставов сукна; требовал от нас благодарности, пушек, пятидесяти тысяч *денег* и жаловался, что Великий Князь не исполнил родительского духовного завещания, коим будто бы умирающий Василий в знак дружбы отказал ему (Исламу) половину казны своей. Хан ручался за безопасность наших пределов, известив Государя, что Саип-Гиреев Вельможа, Князь Булгак, вышел из Перекопи с толпами разбойников, но, конечно, не посмеет тревожить России. Хотя Булгак, в противность Исламову уверению, вместе с Дашковичем, Атаманом Днепровских Козаков, нечаянным впадением в Северскую область сделал немало вреда ее жителям; хотя Бояре Московские именем Великого Князя жаловались на то Исламу: однако ж соблюдали умеренность в упреках, не грозили ему местию и показывали, что верят его искренней к нам дружбе.

Тогда прибежали из Вильны в Москву люди Князя Симеона Бельского и Лятцкого: не хотел служить изменникам, они пограбили казну господ своих и донесли нашим Боярам, что Сигизмунд шлет сильную рать к Смоленску. Надлежало предупредить врага. Полки были готовы: Князь Василий Шуйский, Главный Воевода, с Елениным любимцем, Теплевым, который вторично принял начальство над передовым отрядом, спешили встретить неприятеля; нигде не видали его, выжгли предместье Мстиславля, взяли острог, отпра-

вили пленников в Москву и шли беспрепятственно далее. Новгородцы и Псковитяне должны были с другой стороны также вступить в Литву, основать на берегах Себежского озера крепость и соединиться с Шуйским; но предводители их, Князь Борис Горбатый и Михайло Воронцов, только отчасти исполнили данное им повеление: отрядив Воеводу Бутурлина с Детьми Боярскими к Себежу, стали в Опочках, и не Хотели соединиться с Шуйским. Бутурлин заложил Иваньгород на Себеже, в земле Литовской как бы в нашей собственной; укрепил его, наполнил всякими запасами, работал около месяца: никто ему не противился; не было слуха о неприятеле.

Однако ж Сигизмунд не тратил времени в бездействии: дав Россиянам волю свирепствовать в восточных пределах Литвы, послал 40000 воинов в наши собственные южные владения и между тем, как Шуйский жег окрестности Кричева, Радомля, Могилева, Воеводы Литовские, Пан Юрий Радзивил, Андрей Немиров, Гетман Ян Тарновский, Князь Илья Острожский и наш изменник, Симеон Бельский, шли к Стародубу. Сведав о том, Московские Бояре немедленно послали новые полки для защиты сего края; но вдруг услышали, что 15000 Крымцев стремятся к берегам Оки; что Рязанские села в огне и кровь жителей льется рекою; что Ислам обманул нас: прельщенный золотом Литовским, услужил Королю сим набегом, все еще именуясь Иоанновым союзником и бессовестно уверяя, что не он, а Саип-Гирей воюет Россию.

Послов Исламовых взяли в Москве под стражу; немедленно возвратили шедшее к Стародубу войско; собрали в Коломне несколько тысяч людей. Князя Димитрий Бельский и Мстиславский отразили хищников от берегов Оки, гнались за ними, принудили их бежать в степи.

Но Литовцы, пользуясь содействием Крымцев и беззащитным состоянием Малороссии, приступили к Гомелю: тут начальствовал малодушный Князь Оболенский-Щепин: он ушел со всеми людьми воинскими и с огнестрельным снарядом в Москву, где ввергнули его в темницу. Гомель сдался. Литовцы надеялись взять и Стародуб; но там был достойный Вождь, Князь Федор Телепнев: мужественный отпор ежедневно стоил им крови. Воеводы Сигизмундовы решились продлить осаду, сделали тайный подкоп и взорвали стену: ужасный гром потряс город; дома запылали; неприятель сквозь дым ворвался в улицы. Князь Телепнев с своею дружиною оказал геройство; топтал, гнал Литовцев; два раза пробивался до их стана: но, стесненный густыми толпами пехоты и конницы, в изнеможении сил, был взят в полон вместе с Князем Ситцким. Знатный муж, Князь Петр Ромодановский, пал в битве; Никита Колычев умер от раны чрез два дни. 13000 граждан обоего пола изгибло от пламени или меча; спаслися немногие и своими рассказами навели ужас на всю землю Северскую. В Почепе, худо укрепленном, начальствовал бодрый Москвитянин Федор Сукин: он сжег город, велел жителям удалиться и зарыть, чего они не могли

взять с собою. Литовцы, завоевав единственно кучи пепла, ушли восвояси; а Шуйский, предав огню все места вокруг Княжичей, Шклова, Копоса, Орши, Дубровны, отступил к Смоленску.

Число врагов наших еще умножилось новою изменою Казани. Недовольные, как и всегда, господством России над ними; возбуждаемые к бунту Саип-Гиреем: презирая юного Царя своего и думая, что Россия с Государем-младенцем ослабела и в ее внутренних силах, тамошние Вельможи под руководством Царевны Горшадны и Князя Булата свергнули, умертвили Еналея за городом на берегу Казанки и, снова призвав к себе Сафа-Гирея из Тавриды, чтобы восстановить их свободу и независимость, женили его на Еналеевой супруге, дочери Князя Ногайского, Юсуфа. Желая узнать обстоятельства сей перемены, Бояре послали гонца в Казань с письмами к Царевне и к Уланам: он еще не возвратился, когда наши Служивые Городецкие Татары привезли весть, что многие из знатных людей Казанских тайно виделись с нами на берегу Волги; что они не довольны Царевною и Князем Булатом, имеют до пятисот единомышленников, хотят остаться верными России и надеются изгнать Сафа-Гирея, ежели Великий Князь освободит Шиг-Алея и торжественно объявит его их Царем. Бояре советовали Елене немедленно послать за Шиг-Алеем, который все еще сидел в заключении на Белеозере: ему объявили Государеву милость, велели ехать в Москву и явиться во дворце. Опишем достопамят-

ные подробности сего представления.

(1536 г.) Шестилетний Великий Князь сидел на троне: Алей, обрадованный счастливою переменою судьбы своей, пал ниц и стоя коленах, говорил речь о благодеяниях к нему отца Иоаннова винился в гордости, в лукавстве, в злых умыслах; славил великодушие Иоанна и плакал. На него надели богатую шубу. Он желал представиться и Великой Княгине. Василий Шуйский и Конюший Телепнев встретили Алея у саней. Государь находился у матери, в палате Св. Лазаря. Подле Елены сидели знатные Боярыни; далее, с обеих сторон, Бояре. Сам Иоанн принял Царя в сенях и ввел к Государыне. Ударив ей челом в землю, Алей снова клял свою неблагодарность, назывался холопом, завидовал брату Еналею, умершему за Великого Князя, и желал себе такой же участи, чтобы загладить преступление. Вместо Елены отвечал ему сановник Карпов, гордо и милостиво. «Царь Шиг-Алей! – сказал он: – Василий Иоаннович возложил на тебя опалу: Иоанн и Елена простили вину твою. Ты удостоился видеть лицо их! Дозволяем тебе забыть минувшее; но помни новый обет верности!» Алея отпустили с честью и с дарами. Жена его, Фатъма-Салтан, встреченная у саней Боярынями, а в сенях самую Еленюю, обедала у нее в палате. Иоанн приветствовал гостью на языке Татарском и сидел за особенным столом с Вельможами: Царица же с Великою Княгинею и с Боярынями. Служили Стольники и Чашники. Князь Репнин был Кравчим Фатъмы. Елена в конце обеда подала ей чашу

и – никогда, по сказанию Летописцев, не бывало великолепнейшей трапезы при Дворе Московском. Правительница любила пышность и не упускала случая показывать, что в ее руке держава России.

Между тем война с Казанью началась: ибо заговор некоторых Вельмож ее против Сафа-Гирея не имел действия, и сей Царь отвечал грубо на письмо Иоанново. Московские Полководцы, Князь Гундоров и Замыцкий, должны были идти из Мещеры на Казанскую землю; но, встретив Татар близ Волги, ушли назад и даже не известили Государя о неприятеле, который, нечаянно вступив в Нижегородскую область, злодействовал в ней свободно. Жители Балахны, имея более храбрости, нежели искусства, вышли в поле и были разбиты. Воеводы Нижегородские сошлись с Татарами под Лысковом: ни те, ни другие не хотели битвы; пользуясь темнотою ночи, Казанцы и Россияне бежали в разные стороны. Сие малодушие Московских Военачальников требовало примера строгости: Князя Гундорова и Замыцкого посадили в темницу, а на их место отправили Сабурова и Карпова, которые одержали наконец победу над многочисленными Казанскими и Черемисскими толпами в Корякове. Пленников отослали в Москву, где их, как вероломных мятежников, всех без исключения осудили на смерть.

Война Литовская продолжалась для нас с успехом, и существование новой Себежской крепости утвердилось знаменитою победою. Сигизмунд не мог равнодушно видеть сию

крепость в своих пределах: он велел Киевскому Наместнику Немирову взять ее, чего бы то ни стоило. Войско его, составленное из 20000 Литовцев и Поляков, обступило (27 Февраля) город. Началась ужасная пальба; земля дрожала, но стены были невредимы: худые пушкари Литовские, вместо неприятелей, били своих; ядра летели вправо и влево: ни одно не упало в крепость. Россияне же стреляли метко и сделали удачную вылазку. Осаждающие пятились к озеру, коего лед с треском обломился под ними. Тут Воеводы Себежские, Князь Засекин и Тушин, не дали им опомниться: ударили, смяли, топили несчастных Литовцев; взяли их знамена, пушки и едва не всех истребили. Немиров на борзom коне ускакал от плена, чтобы донести старцу Сигизмунду о гибели его войска – и как сетовали в Киеве, в Вильне, в Кракове, так веселились в Москве; показывали народу трофеи – честили, славили мужественных Воевод. Елена в память сего блестящего успеха велела соорудить церковь Живоначальной Троицы в Себеже. Мы не давали покоя Литве: возобновив Почеп, Стародуб, – основав на ее земле, в Ржевском уезде, город Заволочье и Велиж в Торопецком, Князя Горенский и Барбашев выжгли посады Любеча, Витебска, взяли множество пленников и всякой добычи.

Следуя правилам Иоанна и Василия, Дума Боярская не хотела действовать наступательно против Хана. Толпы его разбойников являлись на берегах Быстрой Сосны и немедленно уходили, когда показывалось наше войско. Они дерз-

нули (в Апреле 1536 года) приступить к Белеву; но тамошний Воевода разбил их наголову. Хотя Ислам, осыпанный Королевскими дарами, примирился было с Саип-Гиреем, чтобы вместе тревожишь Россию нападениями: однако ж, уступая ему имя Царя, не уступал власти; началась новая ссора между ими, и вероломный Ислам отправлял в Москву гонца за гонцом с дружескими письмами, изъявляя ненависть к Саипу и к Царю Казанскому Сафа-Гирею.

Уже Сигизмунд – видя, что Россия и с Государем-младенцем сильнее Литвы, – думал о мире; изъявлял негодование нашим изменникам: держал Лятцкого под стражею и столь немилостиво обходился с Князем Симеоном Бельским, что он, пылая ненавистию к России, с досады уехал в Константинополь искать защиты и покровительства Султана. Еще в Феврале 1536 года Королевский Вельможа, пан Юрий Радзивил, писал к любимцу Елены, Князю Телепневу (чрез его брата, бывшего Литовским пленником) о пользе мира для обеих Держав: Телепнев отвечал, что Иоанн не враг тишины. Но долго спорили о месте переговоров. Сигизмунд, прислав знатного чиновника поздравить Иоанна с восшествием на трон, желал, чтобы он, будучи юнейшим, из уважения к его летам отправил своих Вельмож в Литву для заключения мира; а Бояре Московские считали то несогласным с нашим государственным достоинством. Сигизмунд должен был уступить, и в начале 1537 года приехал в Москву Ян Глебович, Полоцкий Воевода, с четырьмяста-

ми знатных Дворян и слуг. Следуя обыкновению, обе стороны требовали невозможного: Литовцы Новагорода и Смоленска, мы Киева и всей Белоруссии; не только спорили, но и бранились; устали и решились заключить единственно перемирие на пять лет с условием, чтобы мы владели новыми крепостями Себежем и Заволочьем, а Литва Гомелем. Следовательно, война кончилась уступкою и приобретением с обеих сторон, хотя и неважным. Боярин Морозов и Князь Палецкий отвезли перемирную грамоту к Сигизмунду. Они не могли склонить его к освобождению пленных Россиян. Дозволив Великокняжеским Послам свободно ездить чрез Литву к Императору и Королю Венгерскому, Сигизмунд не согласился пропустить Молдавского чиновника к нам, сказав, что Воевода Петр есть мятежник и злодей Польши. Если Политика Великих Князей не терпела согласия Литвы с Ханами Крымскими, всячески питая вражду между ими: то и Крымцы не любили видеть нас в мире с Литвою, ибо война представляла им удобность к грабежу в наших и Королевских областях. Ислам, с неудовольствием сведав о мирных переговорах, уверял Иоанна в своей готовности наступить на Короля всеми силами и, в доказательство ревностной к нам дружбы, уведомлял, что Князь Симеон Бельский, приехав из Константинополя в Тавриду, хвалится с помощью Султана завоевать Россию. «Остерегись, – писал Ислам: – властолюбие и коварство Солимана мне известны: ему хочется поработить и северные земли Христианские, твою и Литовскую. Он ве-

лел Пашам и Саип-Гирею собирать многочисленное войско, чтобы изменник твой, Бельский, шел с ним на Россию. Один я стою в дружбе к тебе и мешаю их замыслу». Бельский действительно искал гибели отечества и, чтобы злодействовать тем безопаснее, хотел усыпить Правительницу уверениями в его раскаянии: писал к ней и требовал себе *опасной грамоты*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.